Елена Ананькина,
аналитический директор направления «Корпоративные рейтинги», московский офис Standard & Poor's

DISTRESS — это некая околодефолтная зона

ВЗГЛЯД МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГОВЫХ АГЕНТСТВ НА СЕГМЕНТ РОССИЙСКИХ DISTRESSED BONDS В ИНТЕРВЬЮ CBONDS REVIEW РАСКРЫЛА ЕЛЕНА АНАНЬКИНА, АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР НАПРАВЛЕНИЯ «КОРПОРАТИВНЫЕ РЕЙТИНГИ» МОСКОВСКОГО ОФИСА STANDARD & POOR'S.

Кого ваше рейтинговое агентство считает эмитентом из сегмента distress? Каким критериям должна удовлетворять компания и/или ее ценные бумаги, чтобы оказаться в перечне подобных заемщиков? Какова должна быть разница в доходности облигаций компании по сравнению с базисным уровнем, чтобы можно было безусловно причислять эту компанию к сегменту distress?

В наших рейтингах мы оперируем понятием дефолта, а не distress. Дефолт, по нашему определению, это когда по долговым обязательствам не заплатили полностью и в срок. Кстати, реструктуризация обязательств, нарушающая интересы кредиторов, тоже подпадает под наше определение дефолта. Зато технический дефолт в результате нарушения ковенантов, строго говоря, таковым не считается, если компания заплатила всю сумму, причитающуюся к досрочному погашению, или если кредиторы не воспользовались своим правом требовать досрочного погашения, или — что бывает чаще всего — дали согласие на изменение ковенантов. Именно на вероятность дефолта нацелены наши рейтинги. Distress — это некая околодефолтная зона. Это менее строгое и потому менее важное для нас понятие.

Сколько компаний, чьи облигации обращаются на рынке, на ваш взгляд, на сегодня балансируют на грани краха и объявления дефолта по своим долговым обязательствам?

Далеко не все компании, чьи облигации обращаются на рынке, имеют рейтинг. О таких компаниях нам трудно судить, так как у нас недостаточно информации. Многие потенциально слабые заемщики не публикуют консолидированной финансовой отчетности и другой информации о себе, которой нам как рейтинговому агентству было бы достаточно, чтобы вынести обоснованное суждение о вероятности дефолта в том или ином случае. На качественном уровне можно сказать, что слабых неотрейтингованных компаний на рынке много. Если же говорить о компаниях, имеющих рейтинг, то по нашей шкале, если рейтинг низкий, вероятность дефолта по такой облигации немалая. По нашей статистике, порядка 26% компаний, имеющих рейтинг в категории CCC, допускают дефолт в течение года, почти 40% — в течение трех лет, больше 46% — в течение пяти лет. 5.5% компаний, имеющих рейтинг B, допускают дефолт в течение года, 19.1% — трех лет, 28.6% — пяти лет. Средний рейтинг российских компаний сейчас BB-. По нашей статистике, это соответствует 7.6% вероятности дефолта в течение трех лет, 13.4% — пяти лет. Таким образом, в наших рейтингах мы исходим из того, что дефолты будут. Другое дело, что бум российской экономики и доступность ликвидности пока спасали от дефолта даже слабых заемщиков. По мере изменения ситуации на мировых финансовых рынках этот фактор может измениться.

Представители какой отрасли, на ваш взгляд, на сегодня больше всего рискуют занять место первого эмитента, объявившего отнюдь не технический дефолт по своим бондам?

На мой взгляд, это больше зависит от финансовой политики конкретной компании, чем от ее отраслевой принадлежности. В связи с ситуацией в финансовом секторе по всему миру большим рискам подвергаются компании, финансирующие быстрый рост короткими деньгами. В принципе, этим риском можно было бы управлять, создавая запасы ликвидности и корректируя графики инвестиций в зависимости от доступа к финансированию, но мало кто из российских компаний это делает.

Насколько вероятно то, что уже в нынешнем году на рынке корпоративных облигаций произойдет первый настоящий дефолт (а не технический, как в случае с «Евросервисом» и «ОСМО-Капитал»)?

Такую вероятность ни в коем случае нельзя исключить даже среди компаний, имеющих рейтинги (то есть способных предоставить нам адекватную информацию о себе, имеющих консолидированную корпоративную структуру, что само по себе задает некую планку). Рейтинги российских компаний пока невысоки: средний уровень — BB-, есть много рейтингов в категории B.

Могут ли оценки международных рейтинговых агентств, базирующиеся на истории развития американских корпораций, быть ключевым ориентиром для инвесторов в distress bonds?

Оценки международных рейтинговых агентств уже давно не привязаны только к США: агентства долго и много работают на самых разных развивающихся рынках — в Латинской Америке, Азии, Восточной Европе. Шкала и методика устроены таким образом, чтобы указывать вероятность дефолта и учитывать специфику каждой конкретной компании и региона, где она работает. Помимо финансовых коэффициентов, в рейтинге учитывается масса качественных факторов. Кстати, по мере накопления данных мы начали публиковать не только глобальную статистику дефолтов и матрицу переходов рейтинга, но и статистику по регионам (отдельно по США, Европе и т.д.).

На что инвесторам следует обращать внимание при покупке российских distressed bonds?

Если это distressed bond, то я бы посоветовала обращать внимание не только на вероятность дефолта (высокую по определению), но и на перспективы возмещения обязательств после дефолта (recovery). На развитых рынках, где процедуры банкротства и взыскания долгов уже давно отработаны, в марте этого года мы запустили новый продукт — recovery ratings по необеспеченным обязательствам компаний, имеющих рейтинг BB+ и ниже. Работа по России тоже идет.

Возможно ли повторение в ближайшем будущем ситуации, возникшей вокруг рейтинга компании «КОПЕЙКА»? Означает ли резкое снижение рейтинга компании помимо всего прочего и ожидание с вашей стороны того, что данная компания может объявить дефолт и отказаться от исполнения своих обязательств в рамках процедуры оферты, выплаты купона или погашения займа?

Низкий рейтинг по определению указывает на то, что мы оцениваем вероятность дефолта как высокую. Но вероятность — это не гарантия.

Несмотря на кризис ликвидности и то, что российские компании, в отличие, например, от европейских, традиционно полагаются на короткие долги и не имеют подтвержденных кредитных линий и потому подвержены рискам рефинансирования, пока единственный случай снижения рейтинга из-за ликвидности — «КОПЕЙКА», да и то, помимо ликвидности, тут сыграли свою роль факторы бизнеса и ухудшения финансового положения компании. В нескольких случаях мы меняли прогноз рейтинга (например, ОАО ТМК, «Уралсвязьинформ»), но таких случаев пока немного. В целом мы считаем неправильным паниковать по поводу ликвидности, но в сегодняшних условиях считаем необходимым еще более тщательный ее мониторинг.

Какова вероятность дефолта эмитентов в каждой из рейтинговых категорий российской национальной шкалы вашего рейтингового агентства?

Российская шкала — шкала не абсолютная, а относительная. Она указывает на положение заемщика относительно других заемщиков на российском рынке, а не на вероятность дефолта. С другой стороны, порядок ранжирования компаний по российской и международной шкалам одинаков, а соответствие делений международной шкалы вероятности дефолта найти нетрудно. Ежегодно мы публикуем мировую статистику дефолтов и переходов рейтингов по международной шкале.

Насколько серьезно различается статистика дефолтов по облигациям в России и в США? Является ли положительным моментом, на ваш взгляд, практическое отсутствие дефолтов российских эмитентов?

Статистики по дефолтам в России пока очень мало. Это связано с короткой историей российского финансового рынка и с несовершенством информации (например, не все данные о дефолтах по векселям или банковским кредитам становятся публичными).

Действительно, за короткое время существования российского рынка облигаций дефолтов на нем практически не было. Но в нынешних условиях они как раз могут участиться, потому что дефолты российских заемщиков могут коррелировать между собой или зависеть от одинаковых внешних факторов — таких как доступность ликвидности на мировых рынках.

Насколько серьезным негативом является технический дефолт эмитента облигаций?

Это, безусловно, негативный фактор, но еще не дефолт: по определению нашего агентства, дефолт — это когда вовремя полностью не заплатили. Технический дефолт означает проблемы с ликвидностью, которые, в свою очередь, могут спровоцировать дефолт настоящий. Типичная ситуация — строгие ковенанты по облигациям (такое чаще бывает в CLN и еврооблигациях). Если компания их нарушает, у инвесторов появляется право предъявить обязательства к погашению, а по другим обязательствам эмитента в большинстве случаев существует кросс-дефолт. Если у эмитента окажется

недостаточно средств или не удастся договориться с держателями облигаций, то наступает уже настоящий дефолт. Раньше передоговориться о ковенантах было несложно, но учитывая рост премии за риск на рынке и трудное положение, в которое могли попасть сами инвесторы, в нынешних условиях этот процесс перестает быть автоматическим. Мы внимательно следим за некоторыми российскими компаниями, у которых строгие ковенанты и высока вероятность их нарушения (например, ТМК, «Казаньоргсинтез»).

Насколько сильную роль при переходе облигационных выпусков компаний в статус distress играют политические и административные моменты (вроде предъявления налоговых претензий)?

На наш взгляд, налоговые претензии — часть повседневной жизни бизнеса в России, вполне обычное явление окружающей среды, как снег зимой. Достаточно суровый бизнес-климат в рейтингах уже «зашит». Поэтому я бы не стала говорить, что налоговые претензии автоматически повлекли бы за собой даже пересмотр рейтинга. Например, когда ТНК-ВР были предъявлены налоговые претензии, наш рейтинг остался на прежнем уровне, потому что компании с ее огромными денежными потоками и запасами нефти более чем по силам с этими претензиями справиться.

Является ли нормальной практика, при которой эмитент выкупает на рынке собственные долговые обязательства, упавшие в цене?

Мы сталкивались с тем, что многие компании так делают (кстати, после кризиса 1998 г. такое тоже бывало). Поскольку это автоматически не влечет никаких неплатежей, и если облигации выкупаются по рыночной цене, мы не считаем это дефолтом.

Сталкивались ли вы в своей работе по анализу корпораций и их работы на рынке со спекуляциями их ценными бумагами на волне взаимоисключающих заявлений разных чиновников, которые давали повод заподозрить последних в игре на бирже, или намеренного оказания помощи тем или иным участникам биржевых торгов?

С «информационными шумами», в том числе противоречивыми заявлениями чиновников и самих компаний, сталкивались, наверное, все, кто работал на финансовом рынке. Мы в своем анализе руководствуемся прежде всего фундаментальными факторами бизнеса и финансового положения компаний и пользуемся массой различных источников (включая непубличную информацию, которую компании предоставляют нам на условиях конфиденциальности), сопоставляем их, анализируем, делаем собственные выводы.

Мнение

Сергей Тишин,
ведущий аналитик
по макроэкономике и долговым инструментам, ОАО «Управляющая компания «Арсагера»

Согласно определениям S&P и Merrill Lynch, distressed bonds — это облигации, спреды которых к аналогичным по дюрации государственным облигациям составляют не менее 10 п.п. Если исходить из такого определения, то сейчас на рынке можно насчитать около 38 выпусков облигаций, относящихся к этой категории.

Причин, по которым доходность того или иного выпуска может увеличиться настолько, чтобы выпуск попал в категорию distressed debt, может быть несколько.

1. Один из участников рынка продает достаточно большой объем облигационного выпуска, обладающего ограниченной ликвидностью. При этом продажа выпуска участником рынка может быть вызвана потребностью в наличности, а не какими-либо новостями о финансовом состоянии эмитента. В такие моменты предоставляется возможность купить облигационные выпуски эмитентов с хорошим кредитным качеством по весьма привлекательным ценам.

2. Происходит значительное ухудшение финансовых показателей эмитента, в результате чего у эмитента могут возникнуть сложности с погашением или рефинансированием долга.

Под нашим управлением нет портфелей ценных бумаг или фондов, ориентированных на инвестиции исключительно в высокодоходные (и, как следствие, обладающие высоким риском) облигации. Тем не менее, в отдельных портфелях ценных бумаг, находящихся под управлением ОАО «УК «Арсагера», облигации, относящиеся к категории distressed debt, есть.

В результате анализа финансового состояния эмитента и степени ликвидности облигационного выпуска мы ранжируем облигации по степени риска, разделяя их на шесть типов: первый тип — высоколиквидные облигации надежных эмитентов («Газпром», РЖД, ВТБ и т.д.), шестой тип — практически неликвидные облигации, выпущенные компаниями с очень высокой долговой нагрузкой. Конечно же, наибольшее количество облигаций (32 выпуска из 38), которые можно отнести к категории distressed bonds, являются облигациями шестого типа (плохое финансовое положение эмитента). На бумаги этого типа в данный момент лимиты во всех портфелях у нас закрыты.

Однако есть высокодоходные облигации, выпущенные достаточно надежными эмитентами и, соответственно, находящиеся в верхних типах (по внутренней классификации ОАО «УК «Арсагера»). К таким облигациям мы, например, относим облигации «Сибирского цемента», «Волжской текстильной компании», «Белого фрегата».

Можно выделить также облигации «Золота Селигдара» (второй выпуск), «Матрицы» и «Макромира», являющиеся более рискованными (пятый тип по внутренней классификации), чем перечисленные выше. Большая часть перечисленных выпусков есть в наших портфелях.